

ОБЪ ОФИЦЕРСКОЙ РАБОТѢ.

Въ всякой ироніи, я сильно удрученъ тѣмъ, что г. М. Доманскій принялъ мое выраженіе по вопросу объ обременительности офицерской работы за «обвинительный актъ его литературной дѣятельности»—какъ онъ выразился въ № 199 «Р. Инв.» 1913 г.

Неужели такъ можно было понять написанное мною въ № 189 «Р. Инв.» того же года, да еще въ отношеніи г. Доманскаго, умѣющаго быть всегда интереснымъ и, казалось мнѣ, какъ будто солидарнаго со мной во взглядахъ!

Изъ настоящей статьи (вмѣсто объясненій и оправданій) будетъ видно, что я обвинялъ не литературную дѣятельность, а только поверхностное отношеніе автора къ такому страшно наболѣвшему вопросу, какъ отношеніе къ офицерскому труду и къ офицерскому досугу. Скромность г. Доманскаго, вѣроятно, не позволяетъ ему признать какъ сильно и хорошо владѣть онъ перомъ, а потому я и выразился про него, что онъ, забывшись, размахиваетъ острымъ оружіемъ кругомъ себя—по всѣмъ и по всему.

И дѣйствительно, еще разъ повторю, что г. Доманскій занесъ свой мечъ и разитъ (по поверхностному впечатлѣнію) именно тѣхъ, которые пришли къ нему просить о защитѣ. Онъ недовѣрчиво отнесся къ жалобщикамъ и, не провѣривъ жалобъ, не изслѣдовавъ причинъ — почему это они жалуются, нѣтъ ли тамъ чего-нибудь ненормальнаго—сталъ пронизывать надъ самими жалобщиками.

Я не стыжусь сознаться, что долго силился не то что разрешить вопрос о трудности офицерской работы, а только найти подходящія ясныя и опредѣленныя выраженія для характеристики явленій, его вызывающихъ. И не одинъ годъ собирался поднять его, но боль за явно небрежное отношеніе къ регулированію вопроса, который, однако, нельзя не признать фундаментомъ воспитанія и обученія арміи и всего народа, не могла не вліять на спокойное, а потому и успѣшное выполненіе даннаго намѣренія. Въдѣ подвліяніемъ чувства хорошо описывается именно это чувство и другія имъ вызываемыя, напр., выраженіе возмущенія, обиды, гнѣва и т. п., но никогда—резонное обсужденіе вопроса. Какъ извѣстно, «страсть, пристрастіе»—синонимы однобокой логики и справедливости.

Одинъ, другой, третій—жалуются на чрезвычайную тяготу своей офицерской работы, а четвертый, находясь въ совершенно пныхъ условіяхъ, пронизируетъ, что восемь часовъ въ сутки офицерской работы не такъ уже много, что тѣ трое напрасно жалуются и что слова ихъ недостойны вѣры или, въ лучшемъ случаѣ, они сами себя не понимаютъ.

Начинается споръ, по существу своему непримиримый и бесполезный, такъ какъ ведется онъ на субъективныхъ чувствахъ. Да и мѣрка работы—время, т. е. число рабочихъ часовъ—сюда совершенно не подходитъ. Поэтому такой споръ—сказка про бѣлаго бычка: «работаете только 8 часовъ въ сутки?» «Да, рабочихъ часовъ 8». «Значитъ нетрудно». «Нѣтъ, очень трудно, мы истощены нашей работой». «Но вѣдь работаете только 8 часовъ въ сутки?» и т. д.

Но дѣло въ томъ, что каждый правъ: какъ тотъ, кто въ виду особыхъ условій службы и характера мѣстнаго начальства имѣетъ опредѣленныя занятія въ опредѣленное время дня, но имѣетъ и опредѣленный отдыхъ, свой досугъ, почему и не находитъ тяжелымъ 8-ми или хотя бы 10-ти часовой трудовой день,—такъ правы и тѣ, у которыхъ хотя можетъ и не быть тяжелой работы, но которые должны *напрягать свою нервную систему* круглыя сутки, недѣли, года, всю службу.

Въ этомъ *нервноиъ напряженіи* и заключается тотъ смыслъ и та истинность жалобъ офицеровъ на трудность ихъ работы, до которыхъ (смысла и истинности жалобъ) не пожелалъ докопаться г. Доманскій. *Напряженіе нервовъ* (слѣдовательно и мускульное), а не время, должно служить мѣриломъ трудности человеческой работы; подтвержденіе этому можно найти въ біологiи—

о работѣ нервовъ, а на практикѣ каждому извѣстно, что два часа мучительнаго безпокойства или полчаса нервнаго потрясенія, или просто «игры на нервахъ» — неизмѣримо труднѣ переносимы чело- вѣкомъ, чѣмъ спокойная, нѣскольکو-дневная непрерывная работа. И въ этомъ отношеніи г. Доманскій можетъ быть согласится, что сравнительно спокойная, опредѣленная, строго урегулированная работа въ штабахъ по трудности далеко не можетъ равняться со службой въ строю, не безъ основанія характеризуемой въ послѣд- нее время, какъ «*дерганіе нервовъ*», благодаря избытку усердія, но недостатку изученія и усвоенія психо-физики челоуѣка (офицера) у лицъ, принимающихъ на себя руководительство не только рабо- той офицера, его обученіемъ и даже воспитаніемъ, но и всей жизнью офицера, т.-е. у отцовъ-командировъ.

Отъ этого избытка усердія, при нежеланіи учитывать законы психо-физической дѣятельности («стану я еще считаться съ какою- то тамъ психо-физикой: прикажу и баста!»), отъ этихъ «добрыхъ намѣреній» — «поднять нравственный уровень корпуса офицеровъ и получилась та адская мостовая, на которой вытанцовывались отно- шенія къ офицерамъ вообще, къ офицерской работѣ въ частности.

Не буду говорить о причинѣ и обстоятельствахъ ея развитія; скажу только про видимый результатъ этого переусердія по поднятію нравственнаго уровня корпуса офицеровъ съ бытовой и служебной точки зрѣнія. Этотъ результатъ характеризуется вѣчнымъ и неиз- мѣннымъ стремленіемъ — «подтянуть» ихъ до предѣла выдержки, т.-е. до предѣла, дальше котораго «нодтягиваніе» или натягиваніе нервовъ грозитъ порвать струны...

«Подтянуть» — проще и легче, чѣмъ будить сознаніе долга влія- ніемъ, обаяніемъ своей авторитетности и компетенціи. «Подтяги- вать» ихъ надо каждый часъ, каждую минуту, всегда, во всемъ — твердятъ иные командиры и безошадно пушатъ и разносятъ даже за проявленіе любви и усердія къ дѣлу, если оно проявлено по собственной инициативѣ, безъ «спроса» — à la школьникъ у учи- теля... виновать — начальника.

«Подтягиваніе» офицеровъ въ послѣднее время такъ идеализи- ровалось, въ смыслѣ воспитательной системы офицерскаго корпуса, что отказъ отъ примѣненія этой системы для другой, болѣе отвѣ- чающей по своему характеру дѣламъ закона — выработать *сознатель- ныхъ*, осмысленныхъ службистовъ (имѣется даже въ инструкціи для воспитателей кадетскихъ корпусовъ, тѣмъ болѣе для воспита- телей офицерства) — ведетъ къ дурной славѣ и дурной аттестаціи, характеризуясь, какъ *вредная* (?!) игра на популярность.

Многіе начальники очень не любятъ такихъ командировъ, которые вмѣсто «подтягиванія» стараются воздѣйствовать на офицерскую совѣсть (стыдь), честь, чувство долга. И это неудивительно: подтягиваніе быстро даетъ блестящіе результаты, хотя исключительно по внѣшнему виду: «всѣ офицеры по стрункѣ ходятъ у него!»; результаты же дѣйствія на душу офицера для выработки сознательнаго отношенія къ службѣ Царю и Отечеству—выказываются не скоро; часто—послѣ ухода того, кто примѣняетъ эту систему. А тутъ аттестація высшимъ начальникомъ на основаніи впечатлѣннй отъ часового смотра, да еще по внѣшнему виду. Какой же начальникъ пожертвуетъ 12-ти балльной отмѣткой за свой экзамень, къ которому такъ легко подготовить внѣшность при системѣ «подтягиванія» офицеровъ, ради будущихъ благихъ результатовъ, которые еще, пожалуй, припишутъ другому, а его обвинять во вредной игрѣ на популярность, несмотря на явно чистыя цѣли?

Эти нѣсколько штриховъ невольно культивируемой нами же ненормальности отношеній командировъ къ офицерамъ (болѣе подробную обрисовку приходится отложить на будущее въ виду грандіозности всей картины) объясняютъ—почему почти всѣ строевые офицеры про себя согласно рѣшили и уже повторяютъ, какъ общее мѣсто, что нынѣ военная служба—«дерганіе нервовъ», и жалуются поэтому на невыносимую ея трудность.

Къ этому надо добавить обратную сторону медали—ежегодные экзамены и на основаніи ихъ аттестаціи, непоколебимо внушающія всѣмъ, что и этотъ ежегодный экзамень (смотрѣ) и на основаніи его ежегодная аттестація дѣлаются для перехода въ старшій классъ или оставленія на втор...., виновать—дѣлаются для личной карьеры каждаго, на основаніи опредѣленія по экзамену и аттестаціи успѣховъ за данный годъ.

Въ работу по чувству долга, въ работу безкорыстную или, по крайней мѣрѣ, въ работу несовсѣмъ корыстную, т.-е. имѣя въ виду не только «движеніе» по службѣ,—никто не вѣритъ, какъ не повѣрили бы школяру въ томъ, будто онъ ходитъ въ школу не ради того, чтобы, переходя изъ класса въ классъ по аттестаціямъ, на основаніи экзаменовъ, добиться полученія диплома, а ради того, чтобы съ безкорыстнымъ желаніемъ посвятить себя всего, отдаться всецѣло наукѣ.

Очевидно, какъ школяру экзамены изъ програмнаго курса, такъ и офицеру ежегодныя повѣрки его работы и знаній и аттестаціи не позволяютъ отдаться всей душой чистой наукѣ или чисто дѣлу,

службѣ, въ виду необходимости подготовки къ экзаменамъ и показыванія регламентированныхъ «номеровъ».

Но школяру и даже воспитателю несравнимо легче, чѣмъ офицеру, несмотря на доказательства гг. педагоговъ и воспитателей—о трудности ихъ работы съ дежурствами и подежурствами черезъ 3—4—5 дней. У нихъ работа и программы строго опредѣленные и нервная работа посильная. Школяръ отвѣчаетъ только за себя и только за знаніе того, что ему опредѣлено по програмѣ.

Педагогъ и воспитатель работаютъ физически очень много, много и нервами, но далеко не въ той степени, какъ строевые офицеры. Педагогу и воспитателю никто въ укоръ не поставитъ неспособность и непонятливость учениковъ и воспитанниковъ, а офицеръ, даже въ высшихъ чинахъ, отвѣчаетъ, долженъ дрожать за свою службу, доброе имя и реномэ по несенію службы при неудачныхъ отвѣтахъ, нерасторопности, разгильдяйствѣ, неловкости, даже только неодобрительномъ поведеніи своихъ подчиненныхъ. Несмотря на то, что школяры не совершеннолѣтніе, а унтеръ-офицеры и всѣ нижніе чины совершеннолѣтніе, ни одинъ воспитатель, ни одинъ учитель не былъ отрѣшенъ отъ должности административнымъ порядкомъ, на примѣръ, за то, что школяръ, напившись, подрался съ патрулемъ; строевые же начальники, бывали отрѣшаемы за то, на примѣръ, что совершеннолѣтній унтеръ-офицеръ подрался съ патрулемъ; за то, что у нихъ украли револьверъ.

Полагаю, что перспектива быть опозореннымъ, при безупречномъ и даже идеальномъ несеніи лично службы, изъ-за какогонибудь неисправимаго преступника или просто дегенерата, будетъ держать нервы въ постоянномъ напряженіи, постоянной работѣ и «разговоръ съ фельдфебелемъ, разговоръ съ капитаномъ» прямое слѣдствіе этой работы нервами, а вовсе не отдыхъ и бесполезная, *pour passer le temps*, задержка послѣ занятій.

Тотъ (каптенармусъ) растраститъ, другой проворуетъ, тамъ караульный начальникъ-унтеръ-офицеръ плохо отрапортовалъ, карауль плохо выстроился, ординарецъ не молодцовалъ, тотъ вяло отвѣтилъ, не лихо честь отдать—все это относить лично къ строевому офицеру, а потому все это заботить, напрягая нервы.

Можетъ быть скажутъ, что заботы эти излишни, преувеличены? Такъ пусть они убѣдятся картиной выдержаннаго, спокойнаго командира корпуса, лично провѣряющаго рапорты ординарцевъ. Пусть они убѣдятся картиной публичнаго разноса за просмотрѣнную веревочку въ конскомъ снаряженіи лошади, поданной смотрящему начальству..., картиной—когда въ страхъ за составленіе мѣбѣи о

«порядкѣ» своей части, командиръ ея наряжаетъ офицера для наблюденія за командой, пазначаемой для *подачи* лошадей начальству...

Ну, а затѣмъ относительно самихъ строевыхъ занятій. Много ли насчитаетъ любой строевой офицеръ такихъ занятій, за которые бы онъ не былъ «облаянъ» или «пзведенъ»? Много ли найдется высокихъ начальшковъ, которые бы, присутствуя на занятіяхъ, не вмѣшались до конца занятій и не напускались на обучающаго офицера за «не тотъ способъ или споровку обученія», а затѣмъ не стали бы экзаменовать его самого, отдавая даже объ этомъ въ приказахъ на посмѣшище обучаемымъ нижнимъ чинамъ?

Офицеры на строевыхъ занятіяхъ—какъ будто враги между собою по традиціи; и быть выруганнымъ, ошельмованнымъ въ строю какъ говорить, дѣло житейское, а не суда чести...

Это ли не дерганіе нервовъ! Или, можетъ быть, кому-нибудь кажется, что, привыкнувъ къ этому, нервы становятся нечувствительными? Ошибаются—еще болѣзненнѣе.

Все это создаетъ обстановку такую, что офицеръ идетъ на занятія не съ добрымъ духомъ, не съ любовью и энергіей мастера своего дѣла, почти всегда увлекающагося своей работой, какъ бы она ни была трудна, а съ тревожнымъ чувствомъ школьника, идущаго на репетицію сварливыхъ педагоговъ, которые будутъ стараться поймать по вопросамъ не курса, а сверхъ курса, причемъ на одного набросаются все педагоги...

Чувство мастера (маэстро) всецѣло ушло въ душу старшихъ начальниковъ, но только въ отношеніи командованія меньшими единицами—ротами, эскадронами, батареями, и вся большая цѣпь начальниковъ всю свою массу усердія и энергій обращаетъ на эти единицы, непрерывно уча ихъ и экзаменуя ихъ, объявляя фамиліи въ приказахъ и отмѣтки, точно въ школѣ (хотя не цифрами, а словами).

Въ отношеніи офицера избытокъ усердія сказался въ заботахъ о томъ, чтобы найти ему работу на круглыя сутки и, если это представляется въ силу условій службы невозможнымъ, то держать нервы его въ напряженіи жупеломъ «внезапнаго смотра» или «тревоги».

Начинаетъ входить въ моду требованіе, чтобы офицеръ не выходилъ изъ казармы или конюшни, или цейхгауза и не давалъ бы отдыха ни себѣ, ни нижнимъ чинамъ. И отношеніе къ офицерскому досугу все болѣе и болѣе уподобляется отношенію недальновидныхъ и неопытныхъ по воспитанію родителей и педагоговъ, которые не переносятъ «досуговъ» своихъ питомцевъ и, чуть уви-

дять ихъ рѣзвящимся или играющими, хватаются за розгу съ наставительнымъ: «а уроки?»—и если ребенокъ отвѣтитъ, что приготовилъ твердо, ему отвѣчаютъ, что надо повторить и вообще нельзя ни на минуту отрываться отъ книжки. *А потому—ребенокъ не за книжкой, офицеръ не въ казармахъ—видъ для родителей и начальниковъ неутѣшительный, тягостный.*

Эти усердные родители послѣ удивляются нелюбви и отвращенію дѣтей къ своему дѣлу—ученію, удивляются вялости, тупости, неохотѣ и принимаются подтягивать.

Тоже и въ отношеніи офицера: нужно ли, не нужно ли—маршировать на занятія или въ казарму или же ожидай чего-нибудь... Мнѣ рассказывали про одного начальника, аттестовавшаго командира «удовлетворительнымъ» послѣ ряда лѣтъ—«выдающимся» за то, что тотъ по окончаніи послѣобѣденныхъ занятій не торчалъ въ казармахъ: «значитъ нѣтъ любви къ своей части, разъ кончили занятія и уѣхалъ...». Другой начальникъ обрѣзалъ командира, заявившаго, что назначать офицерскія занятія сверхъ положеннаго по «инструкціи»—вредно для дѣла службы, такъ какъ у офицеровъ есть другія служебныя дѣла: «вотъ подобными-то взглядами и развращаются офицеры: на другія служебныя дѣла у офицера есть ночь...»

Мнѣ какъ-то посоветовали прочесть книгу «Хатха-юга». Много я нашелъ въ ней удивительно цѣнныхъ указаній по уходу за тѣломъ: какъ надо дышать, ѣсть, жевать и т. п., но особенно для насъ важное и цѣнное указаніе о безусловной необходимости полнаго отдыха, полнаго ослабленія всѣхъ мускуловъ, всѣхъ нервовъ и даже мозга и сердца послѣ каждой работы и послѣ трудового дня. Хотя не всю ночь, хотя нѣсколько часо́въ, хотя часъ, но чтобы дать полнѣйшій, можно сказать, почти абсолютный отдыхъ всему организму, что возрождаетъ его и придаетъ силы для новой работы.

Эта необходимость признается и всѣми уставами, которыми даже на войнѣ назначаютъ очередныя дежурныя части, чтобы остальные не держать въ постоянномъ нервномъ напряженіи, постоянной тревогѣ, а дать полный отдыхъ...

Офицеръ, хоть и офицеръ, но человекъ, а потому организмъ его требуетъ отдыха. Постоянное напряженіе—сдѣлаетъ его куда не годнымъ. Ясно поэтому, что держать нервы офицера въ постоянномъ напряженіи—въ ожиданіи, что кто нибудь потребуетъ, что принесутъ приказы, предписанія, что надо летѣть на внезапные смотры, посѣщенія начальства въ часы незанятые, на случай тревоги и т. п., является хотя безсознательною, но все же порчею—въ лучшемъ случаѣ—преждевременнымъ, до употребленія но назна-

ченію, изнашиваніемъ главной и сильнѣйшей части механизма арміи—духовныхъ силъ офицерскаго корпуса.

Еще разъ: офицерская работа сама по себѣ, легка, здорова и пріятна (почему всѣ любятъ маневры, походы и т. п., наиболѣе подходящее для строевого офицерскаго дѣла), несмотря на число часовъ, и не можетъ равняться трудовому 8-ми часовому дню въ ужасной, убійственной атмосферѣ рудниковъ, спичечныхъ фабрикъ, доменныхъ печей. Но неумѣніе регулировать эту работу такъ, чтобы не истощать до войны организмъ офицера постояннымъ нервнымъ напряженіемъ, а напротивъ — усилить его правильными упражненіями, подобно гимнастикѣ, но съ такимъ же отдыхомъ, и сдѣлало ее тяжкою, нерѣдко убивающей въ офицерѣ даже чувство собственнаго достоинства: «меня каждый день бьютъ по чувству достоинства и чести, по самолюбію, но ради куска хлѣба, семьи, надо переносить; всѣмъ приходится переносить»...

Въ этомъ трудность офицерской работы, и на это и надо обратить вниманіе нашего военного общества. Вотъ почему меня, долго болѣвшаго по этому вопросу, сильно задѣло осмѣиваніе г. Доманскимъ жалобъ офицеровъ на трудность ихъ работы и его какъ бы похваливаніе и поощреніе къ «продолженію въ томъ же родѣ», такъ какъ труднаго и ненормальнаго ничего почти не видно.

Только противъ поверхностнаго сужденія по этому важнѣйшему изъ важнѣйшихъ и злободневному изъ самыхъ злободневныхъ вопросовъ — несенія службы офицерами, а также противъ легкости сужденія по формѣ, а не по существу даннаго случая (критика своего—будто всегда плоха; прапорщикъ запаса—будто всегда невѣжда въ военномъ дѣлѣ, службѣ, жизни), я и возразилъ. Повторю, это далеко до обвинительнаго акта «всей литературной дѣятельности» г. Доманскаго.

Напротивъ, по поводу этой литературной дѣятельности я лично давно чувствовалъ потребность выразить горячее пожеланіе: успешнаго ея продолженія.

А. Дмитревскій.

